

ОТВЕТ Л. П. КАРСАВИНУ

Дорогой Лев Платонович,

с благодарностью принимаю Ваше предложение откликнуться на мысли, высказанные Вами в статье «Россия и евреи», и прошу Вас передать редакции «Верст» мою живейшую признательность за оказываемое мне гостеприимство. Читая рукопись Вашей статьи, я невольно возвращался мысленно к тем беседам, которые мне пришлось неоднократно вести с Вами на ту же тему от лица к лицу, и возникавшие у меня сомнения и возражения естественно облекались в форму личного к Вам обращения. Эту форму мне хотелось бы сохранить и в моем передаваемом гласности ответе: к поднятому Вами вопросу, Вы знаете, я могу подходить только с противоположного его конца, а в таких случаях встреча возможна лишь тогда, когда люди, не оглядываясь в сторону, смотрят друг другу прямо в глаза.

Вопрос об отношении России к еврейству Вы ставите — и в этом, думаюется, самая большая заслуга Вашей статьи, — как вопрос религиозный, я бы сказал, как вопрос веротерпимости. Мне, как еврею, такая постановка вопроса кажется не только наиболее плодотворной, но и наиболее естественной. Так называемая «национальная нетерпимость» по отношению к евреям, и по моему глубокому убеждению, в последнем счете есть лишь измельчавшая, выродившаяся, загнанная внутрь форма нетерпимости религиозной; вот почему и преодоление ее возможно лишь на почве напряженно действенной терпимости к иной, чуждой вере при полном осознании ее иноприродности и ее неистребимой самобытности. Такой чуждой по существу своему верой является для Вас вера еврейского народа, и именно поэтому Вы стараетесь, как русский и христианин, найти на путях любовного всепонимания наилучший, религиозно-оправданный способ устройства евреев в России. По-сильное содействие еврейской самобытности для чашевого сближения с Израи-

лем в лоне православной и вселенской церкви — вот то последнее и завершающее решение, которое подсказывает Вам все Ваши решения частичные и даже злободневные.

Об этих частичных и на злобу дня откликающихся решениях разрешите мне сказать после. Отмечу сейчас лишь то, что и в них я усматриваю все то же Ваше основное стремление руководиться всецело началом веротерпимости. Чем иным об'яснить последовательно проводимое Вами разграпичение между ядром и шелухой — *sit venia verbo* — Израиля? Разделяющий меч или, как говорили еще недавно, хирургический нож анализа есть в Ваших руках лишь средство спасти, обезопасить ядро, хотя бы и ценою отказа от «корки». (Так и в отношениях частных мы иногда резко осуждаем отдельные поступки, чтобы с тем большею силою утвердить неразрывное существо человека). Однако, в том как Вы оперируете логическим орудием дистрикции, сказывается, думается мне, некий недочет в самом определении конечной цели русско-еврейских отношений, некая схематичность Вашего изначального синтеза. Начну поэтому с того, чем Вы копчаете.

Правильно ли поступил тот священнослужитель, который в рассказе Лескова окрестил старика еврея? Думаю, что нет. Старик, попытавшийся сохранить своему сыну свободу путем покупки свободы другого человека, был, мне кажется, еще менее «достоин» крещения, нежели зло подшутивший над его отовскими чувствами обманщик. Да и ко Христу ли он обратился? Вернее, что всего лишь — к христианам. Вы, впрочем, и сами против таких партикулярных решений еврейского вопроса, и во всяком случае — против того, чтобы обращающиеся ко Христу евреи, отвращались от еврейства. Да и как бы иначе? Ведь, следуя апостолу Павлу, и Вы всецело уповаете на неминуемое спасение «всего» Израиля; это упование есть движущая сила всей Вашей деятельной, практической веротерпимости: в этой точке для Вас смыкается весь круг связанных с еврейством исторических и эсхатологических вопросов. Но именно этот пункт и является, как Вы знаете, основным пунктом нашего с Вами расхождения. Как мог бы я говорить о частных, не сказав ничего о главном?

Скажу прямо: я не только не верю в обращение Израиля, но считаю, что и верующий в это обращение христианин обнаруживает тем самым лишь некоторую неполноту собственной веры в Бога. Простите, Лев Платонович, что выражаю мою мысль столь резко. Но я, действительно, не могу иначе помыслить обращение Израиля ко Христу, как отпадение от Отца, как измену Ему — как же может христианин пожелать такой измены, такого вероломства? Слыхали ли Вы когда-нибудь, чтобы не поколебавшийся и непоколебимый в своей вере еврей перешел в христианство? (Я говорю о «нашем» времени, т. е. о том, которое и с христианской точки зрения лежит «между»

пришествиями). Для того, чтобы обратиться ко Христу, еврей, следовательно, должен прежде всего потерять веру в Бога; для того, чтобы весь Израиль спасся, весь Израиль должен погибнуть. Остается, как будто, еще одна только последняя возможность: «Христос», к которому обратится Израиль, будет еврейством узнан, как тот чаемый им от века «Помазанник», чье имя по еврейски Мессия. Но разве в те времена второго для Вас, единственного для нас Пришествия, еще будет место для разных вер, для многих церквей, для «еврейского вопроса»? Поистине: «Не будут больше поучать друг друга: познайте Господа, ибо все будут знать Меня, от мала до велика», говорит Господь, «ибо прощу им грех их и прегрешений их не буду помянуть больше» (Иер. 31, 33).

Как же быть христианину, осознающему, что для евреев путь к купели ведет неизбежно через смертный грех, как быть ему, если он в то же время одушевлен «многогтерпящей» любовью к Израилю и стремлением во что бы то ни стало ужиться и устроиться с ним здесь и сейчас, и при том непременно на почве религии? Такой христианин с внутренней необходимостью придет к утверждению, что сама еврейская религия повинна в парадоксальности его положения, что в ней самой кроется порок противоречивости: напряженнейшее стремление к истинному Богу живых и вместе с тем — абсолютное отрицание. Это тот взгляд на сущность еврейства, который Вы, Лев Платонович, защищаете, взгляд, который я считаю совершенно ошибочным.

Диалектику христианской и Вашей личной веротерпимости по отношению к еврейству Вы превращаете во внутреннюю диалектику еврейского Богооткровения. Я понимаю всю трудность Вашего положения, и должен ли я повторять, что глубоко чту каждый из мотивов, приводящих Вас в это положение? Но факт остается: еврею легче относиться любовно к христианину, чем христианину к еврею. (Откуда не следует, что это всегда так бывает). Еврейство знает за христианством только эмпирические грехи и заблуждения. Христиане же вынуждены — народ, обреченный Богу и одержимый Богом, винить в Богоубийстве и Богоотступничестве. Уже одно отрицание Богочеловечества, думаете Вы, неизбежно влечет за собой «дуализм», т. е. извержение Бога из мира, разрыв между человеком и его Творцом; для еврейства — говорите Вы — «недопустима та благодатная, но страшная близость человека к Богу, которую исповедует Православие, как основу знания, жизни и бытия», и вслед за бесконечной цепью римско-католических миссионеров Вы прибавляете, что «для еврейской души стали непонятными ее же Псалмы и ее же Пророки»... Нет, Лев Платонович, простите, тут Вы на ложном пути. Ваша «любовь к врагу» заходит слишком далеко: Вы покушаетесь отобрать у еврейства заодно Бога и Библию. Второе так же невозможно как и первое. В главе о лжепророках Израиля Иеремия говорит: «Разве Я

Бог лишь вблизи, говорит Господь, а вдали не Бог? Разве может человек укрыться так, чтобы Яго не увидел, говорит Господь: ведь небо и земля преисполнены Мною, говорит Господь» (Иер. 23, 23-24). Объясните же нам, Лев Платонович, если и вырвать наши Пророки нам уже непонятны больше, о какой тут близости идет речь и о какой полноте? Мы, евреи, всегда думали: о благодатной и о страшной, о той, которая есть «основа знания, жизни и бытия». Нет, дорогой Лев Платонович, мы не атеисты, не безбожники, и Библию многие наши школьники и теперь еще знают наизусть и свято берегут в своем сердце. Если христианство может мириться с еврейством только на основе таких экспроприаций, — давайте лучше по старинке...

Я взволновался. Это и плохо, и хорошо. Плохо, потому что это мешает связному изложению мыслей, а у меня еще многое на душе, что хотелось бы Вам высказать со всей отчетливостью. Но это и хорошо, потому что моя реакция на Ваши слова слишком естественна, и было бы печально, если бы мы все сплошь стали равнодушны к нашим святыням. К тому же я пишу, хотя и непосредственно к Вам, но слова мои, как и Ваши, будут услышаны многими читающими по русски христианами и евреями, и надо, чтобы мы все научились, наконец, принимать в серьез ни одни только разговоры об «анти-семитизме» и о «равноправии», но о самой сущности еврейства и православия. Возражая Вам с такой горячностью, я, впрочем, ни на минуту не забываю, что Ваше отношение к еврейству несколько не исчерпывается приведенными в Вашей статье фразами. Я хочу лишь подчеркнуть, что еврейский вопрос, как вопрос религиозный, чреват великими трудностями и опасностями и что нам надо потратить еще не мало усилий, чтоб найден был общий язык.

Только этими внутренними трудностями, присущими самой проблеме христианской веротерпимости по отношению к еврейству, я могу объяснить то обстоятельство, что при Вашем, с моей точки зрения, несомненно предвзятом и недостаточно обоснованном взгляде на еврейство, как на религию, Вы можете так высоко ценить еврейство, как культуру. Ведь культура еврейская сплошь религиозна и, значит, целиком проникнута тем, «пламенным порывом своей веры», тем «дуализмом», который по Вашим словам делает ее «самым сильным и страшным врагом христианства». — И тем не менее Вы хотите сохранить еврейский народ и, следовательно, его культуру, как особую «православную еврейскую церковь»? Это мне непонятно. А с другой стороны, чем могла бы отличаться эта еврейская церковь в России от русской православной церкви, если бы все русские евреи стали православными? Не языком ли богослужения? — Очевидно тем, что православный русский еврей все же остался бы тем исконным и неизменным в культуре своей евреем, тем «богоборцем», каким сделал его избравший и отметивший его

ветхий деньми Бог. Так, Ваша вера приводит Вас, насколько мне кажется, сразу к двум исключаяющим одна другую возможностям. Или Вы будете отрицать, что еврейская культура и еврейская религия — тождество? Это Вам было бы тем труднее, что Вы и в отпавших от «ядра» евреях видите проявление, хотя и в искаженном виде, все той же религиозной стихии еврейства. Но на этом пункте я хотел бы остановиться подробнее.

Я уже вскользь упомянул, что в Вашем анализе мне видна изнанка Вашего синтеза. Теперь я могу пояснить, что я хотел этим выразить. Истинная веротерпимость, как и терпимость вообще, думается мне, покоится на абсолютном утверждении и принятии бытия инородной для меня субстанции, а потому и ее акциденций, поскольку в них действительно само субстанциальное ядро. Вашим принятием ядра еврейской культуры и сердцевины еврейского народа Вы сами даете прекрасный пример такой всеобъемлющей и, я бы сказал, чисто русской свободы мироощущения; но Ваше отвержение еврейской религии заставляет Вас, как бы задним числом, уничтожить все положительные результаты предшествующего анализа: само ядро оказывается вредоносным, и вдруг выясняется, почему и скорлупа еврейского народа для Вас тем более отбросы, чем больше в ней проступает ее бывшая сращенность с ядром. Так, ядро должно неизбежно последовать туда же, куда выбрасывается шелуха. Другими словами, во всем Вашем отношении к еврейству — некая неустрашимая двойственность, происходящая, насколько я могу догадываться, из Вашего убеждения в неустрашимости антииудейского настроения в христианстве. Иначе Вы бы и в «шрифери» еврейства не могли видеть насквозь отрицательное явление современной культуры. По отношению к отдельным «ассимилированным» евреям, Вы, правда, готовы идти на уступки, но Вы беспощадны к еврейской ассимиляции в целом. Если бы Вы были верующим и национально настроенным евреем, а не православным, это было бы гораздо помятнее. Каждый из нас мог бы, кажется, составить обстоятельнейший обвинительный акт против наших отщепенцев, тем более, что и сами обвинители, по всей вероятности, попали бы при этом на скамью подсудимых. Но я бы, например, не мог не отметить попутно и целого ряда отчасти уравновешивающих ввиду обстоятельств. Все, в чем я узнал бы действие подлинно религиозного духа еврейства, я считал бы нужным привести в защиту тех, которые этот дух на словах отвергают, а делами свидетельствуют. Вы же поступаете как раз наоборот. Европеизированное еврейство, чтобы остановиться только на одной подробности, явно причастно к развитию современного рабочего движения: говорит ли это против него? Думаю, наоборот: не против, а в его пользу, потому что мечта о справедливом устройстве общественной жизни есть неконечная идея еврейской культуры, и если отпавший от еврейского ядра еврей действ-

тельно всецело одушевлен идеей служения трудовому народу, он не так уже плох, а иногда даже и очень хорош. Вообще, еврейская ассимиляция и ее отношение к твердому, неразлагающемуся ядру еврейства плохо укладывается в аналогию: ядро — скорлупа. Я бы предпочел говорить в этой связи о радиоактивной субстанции еврейства, об излучаемой им энергии, о его вечном разложении, как неотъемлемой стороне его неразложимой сущности. Еврейская ассимиляция так же стара, как и национально организованное бытие еврейства. Разрешите Вам напомнить, что апостол Павел для нас, причисляющих себя как-никак к ядру, есть типичный представитель ассимилированного еврейства. Мы привыкли думать, что все крупные явления еврейской истории не могут быть окончательно лишены смысла; значит и ассимиляция для чего то нужна. В этом же плане, плане вселенской судьбы, рисуется нам и тот изгиб нашего исторического пути, который привел нас в Россию.

Я сравнительно долго говорил о моих неизбежных с Вами разногласиях, Лев Платонович; позвольте же мне теперь, хотя бы вкратце, высказаться и по тем пунктам, в которых я с Вами совершенно согласен.

Да, русское еврейство представляет собою некое органическое единство, хотя и принадлежит одновременно к двум разным об'емлющим его целым: к всенародной общине израильской и к России. У русских евреев есть задачи по отношению к всемирному еврейству и есть задачи по отношению к России. Исторические судьбы складываются, однако, насколько нам доступно судить об этом, так благоприятно, что двойственность наших задач не породит для нас, русских евреев, никаких внутренних конфликтов, потому что, служа России, мы сумеем служить тем самым и нашему еврейскому призванию. Наше призвание указано нам нашими Пророками, и путь, указанный России ее провидцами и вождями, ведет в том же направлении. Россия держит курс на немеркнущий свет с Востока: Нам по пути.

Не будем спорить о том, русские ли русские евреи или евреи. Я думаю, Лев Платонович, что тот друг Ваш еврей, который возражал против того, чтобы его называли русским, возражал не «по деликатности» вовсе, но и не «по национальной гордости», а исключительно потому, что желал быть правдивым. Мы в России и среди русских, конечно же, не русские, но вне России и даже среди заграничных евреев, мы ощущаем, как много в нас русского, насколько свободны мы от всяких общественных предрассудков, от прикованности к материальным благам мира сего, насколько ближе к истинным источникам религиозной жизни, к последним глубинам человеческого сердца — и благодарны за все это судьбе, приведшей нас в Россию и давшей нам возможность узнать и полюбить русский народ. Ведь мы, поистине, единственные азиаты в Европе, но наши европейские братья боятся признаться

в этом своим заносчивым полуостровитянам, — а между тем, как легко нам быть самим собою в России!

Отсюда вовсе не следует, что нам в России вообще легко. Я не говорю о нынешнем тяжелом миге и даже не о прошлых веках; я говорю о будущем. Надо, чтобы русские, те, о которых нет сомнения, русские ли они или не русские, прониклись сознанием, что еврейство не «враг», а союзник. Это для очень многих трудно, весьма трудно. Вы, Лев Платонович, знаете это не хуже меня. Недаром Вы в Вашей статье обращаетесь как-бы в полоборота к тем, для которых мы в организме России заноза. Вот почему, я и позволяю себе смотреть на Вашу статью, как на первый шаг по долгому и тернистому пути.

Искренно преданный Вам

А. З. Штейнберг

Берлин 1927